

А.А. Громыко и германский вопрос (1949 – 1952 гг.)

А.А. Синдеев, д.и.н., проф. РАН, гл.н.с. Института Европы РАН
ФГБУН «ИЕ РАН», г. Москва a_sin74@mail.ru

12 апреля 1951 г. в МИД ФРГ из Парижа поступил документ, которому присвоили входящий номер 00971. В нем содержалась информация о беседе советника Генерального консульства А. фон Кесселя с американским коллегой Ч. Боленом. А. фон Кессель сообщал, что, по мнению американца, «положение Громыко в советской иерархии является по-настоящему сильным; он якобы влиятельнее Вышинского» [22], тогдашнего министра иностранных дел СССР. Подобная оценка, по всей видимости, лишь частично соответствовала реалиям времени. Американский посланник не учел особенности организации советской дипломатии сталинской эпохи. В.М. Молотов вспоминал об этом позднее: «У нас централизованная дипломатия... Я думаю, нас надуть было довольно трудно, потому что все было в кулаке сжато у Сталина, у меня, – иначе мы не могли в тот период. В общем, мы своей дипломатией централизованной... зависящей во всем от центра, от Москвы, руководили довольно уверенно, но на рискованные шаги не пускались, потому что надо было иметь очень проверенных людей, грамотных, знакомых с иностранными дипломатами и дипломатией – немецкой, французской, английской» [17]. Одним из таких грамотных и проверенных людей, имевшем за плечами опыт сложнейших переговоров по созданию ООН в Думбартон-Оксе и Сан-Франциско был Андрей Андреевич Громыко, который пользовался доверием руководства страны, а с 1949 по 1952 г. занимал пост первого заместителя министра иностранных дел СССР. Профессионализм и понимание рамок централизованной дипломатии укрепляли его авторитет.

Изучение круга вопросов, которыми занимался А.А. Громыко в конце 1940-х – начале 1950-х гг. на германском направлении, позволяет увидеть преемственность политики и подходов советской дипломатии [см. по различным аспектам германского вопроса подробнее: 1]. Кроме того, без

осмысления опыта, полученного будущим министром иностранных дел Советского Союза в течение первых лет существования ГДР, вряд ли получится дать объективную историческую оценку его роли в решении германского вопроса в последующем.

Однако следует учитывать, как минимум, четыре обстоятельства: *во-первых*, СССР – держава-победитель, на плечи дипломатов ложилась колоссальная ответственность сохранить и приумножить успехи завоеванные на полях сражений, не допустить новой войны. *Во-вторых*, стабильные отношения с ГДР предоставляли СССР возможность укрепить влияние в Восточной Европе и создать основу для реализации советских интересов и интересов социалистического лагеря в процессе будущего объединения страны. Успех восточногерманской государственной модели был призван сдерживать интеграцию ФРГ в западные экономические и военные структуры. Германский вопрос требовал постоянных контактов с западными союзными державами, поэтому германское направление находилось под контролем И.В. Сталина, В.М. Молотова и А.Я. Вышинского. *В-третьих*, противостояние двух равноправных лагерей и двух равноправных ценностных систем при отсутствии доверия между ними означало, с одной стороны, наличие сложностей в поиске возможного компромисса; с другой – требовало ведения взвешенной дипломатической игры, направленной на ослабление потенциальных соперников. Приведу в этой связи цитату из записки руководителя 3-его Европейского отдела МИД СССР М.Г. Грибанова А.А. Громыко от 25 ноября 1950 г., которая начинается со следующих слов: «На X съезде партии товарищ Сталин, говоря о необходимости использования противоречий между империалистическими державами, указал, что "смысл существования Наркоминдела в том и состоит, чтобы все эти противоречия учесть, на них базироваться, лавировать в рамках этих противоречий" (выделено в документе А.А. Громыко. – А.С.)» [4]. *В-четвертых*, в централизованном мидовском документообороте сталинской эпохи сложно определить личный вклад того или иного дипломата в процесс принятия

решений.

В отношении создания ГДР МИД СССР не только реализовывал план руководства страны, но и проявлял в рамках существовавших компетенций инициативу. 30 сентября 1949 г. за подписью А.А. Громыко на имя И.В. Сталина было подготовлено письмо о необходимости проинформировать социалистические страны перед направлением нот «правительства СССР правительствам США, Великобритании и Франции по поводу создания сепаратного правительства для западных зон Германии, а также в связи с предстоящим образованием в Берлине временного правительства Германской Демократической Республики» [16, с. 563]. 1 октября И.В. Сталину была отослана записка о согласии МИДа на назначение восточногерманского правительства со следующим обоснованием: «СЕПГ фактически будет иметь в правительстве устойчивое большинство – 10 голосов из 18» [6]. 6 октября 1949 г. на имя И.В. Сталина ушел исправленный МИДом проект заявления В.И. Чуйкова, тогдашнего Главнокомандующего советскими оккупационными войсками и будущего Председателя Советской Контрольной Комиссии в Германии (СКК), об образовании временного правительства ГДР, в котором, в частности, была представлена основная цель советской внешней политики в отношении Германии: «Политика советского правительства в германском вопросе, как известно, направлена на восстановление политического и экономического единства Германии, на скорейшее образование общегерманского демократического правительства и на достижение мирного урегулирования для Германии, предусмотренного Потсдамским соглашением... Советское правительство считает, что восстановление единства Германии на демократических началах и заключение мирного договора с Германией являются необходимым условием установления прочного и длительного мира в Европе» [16, с. 571]. 8 октября А.А. Громыко информировал И.В. Сталина об утверждении Народной палатой состава первого правительства ГДР. 10 октября И.В. Сталину был отправлен «проект регламента работы правительства Германской Демократической

Республики» [16, с. 581-583]. А 13 октября 1949 г. в очередном письме на имя И.В. Сталина было написано: «В связи с образованием временного правительства Германской Демократической Республики МИД считает целесообразным... [у]становить дипломатические отношения между Советским Союзом и Германской Демократической Республикой» [16, с. 584]. 19 октября 1949 г. на Политбюро ЦК ВКП(б) было принято решение, касающееся «реорганизации Советской военной администрации в Германии». Согласно ему требовалось «[о]бязать гг. Громыко, Василевского и Меньшикова (по торговым вопросам) дать свои заключения...» [16, с. 590-591]. 24 октября 1949 г. именно А.А. Громыко от имени МИДа предложил руководству страны проект процедуры обмена дипломатическими миссиями, включающий протокольный вопрос о приеме 7 ноября в Берлине. 26 октября 1949 г. В.М. Молотову от А.А. Громыко были высланы «проект Положения о СКК в Германии и проект структуры СКК» [5], переработанные комиссией, куда входил первый заместитель министра иностранных дел. 28 октября 1949 г. И.В. Сталину был направлен «исправленный проект письма от Председателя Президиума Верховного Совета СССР тов. Шверника Н.М. Президенту Германской Республики Вильгельму Пику в связи с назначением т. Пушкина Главой Дипломатической Миссии Союза ССР при Временном правительстве Германской Демократической Республики» [7].

Осуществлялась и рутинная протокольная работа, которая применительно к только что образовавшейся ГДР приобретала принципиальное значение. 9 ноября глава Дипмиссии ГДР в СССР Р. Аппельт сообщал в Берлин: «Участие нашей миссии в праздничных мероприятиях, посвященных годовщине Октябрьской революции, вызвало в Москве всеобщий интерес... На праздничном заседании 6 ноября в Большом театре у меня была возможность познакомиться с дипломатическими представителями стран народной демократии, а также с дипломатами из Китая, Кореи и Монголии. Приветствия со стороны заместителя министра иностранных дел Громыко и целого ряда руководящих работников

Министерства иностранных дел... На параде 7 ноября были представлены обе немецкие делегации в полном составе, а миссия – мною и Вольфом. Сердечные приветствия Громыко, Лаврентьева, Семенова и дипломатов из стран народной демократии... Почетным завершением стал для немецкой миссии прием дипломатического корпуса, проводимый Громыко... Появление руководителя миссии находилось под пристальным вниманием представителей западных властей» [24].

В 1950 г. МИДу требовалось решать и другие задачи: оказывать помощь в проведении избирательной кампании в Народную палату таким образом, чтобы добиться результата, отвечающего интересам СССР; поддержать расширение внешнеполитических контактов ГДР и придать им регулярный характер; содействовать созданию правовых условий интеграции ГДР в формирующееся экономическое пространство социалистического лагеря; выдвинуть мирные инициативы в отношении объединения страны. Лейтмотив был очевиден: обеспечить сохранение социалистических преобразований в рамках будущего единого государства. Демократические начала, упомянутые выше, во многом означали учет сложившихся в Восточной Германии реалий в единой Германии. Такое понимание было исторически оправданным. Ведь о возможности соединения капитализма и социализма размышлял М. Нимёллер: «Существование капитализма и социализма я рассматриваю, как факт, с которым необходимо примириться тем или иным способом. Я не за капитализм и не за социализм. Тем не менее, я считаю, что здесь, в Западной Германии, и вообще в Западной Европе мы могли бы выдержать известную долю социализма. В известной мере мы все находимся в одной комнате, и нужно устроить так, чтобы не лишать друг друга воздуха... За последние годы политики побили много фарфора. Мы не можем от них много ожидать. Надо попытаться "обойти" политиков» [11].

Налаживанию неформальных контактов между представителями Западной Германии и ГДР придавалось поэтому особое значение. 4 июня 1950 г. по поручению А.А. Громыко от имени МИДа была подготовлена

записка И.В. Сталину с просьбой разрешить встречу членов правительства ГДР с вице-канцлером ФРГ Ф. Блюхером (СвДП). «Из предварительных переговоров, которые вели представители СЕПГ с представителями западногерманских деловых кругов, выяснилось, что вице-канцлер... пытается установить негласный контакт...», – читаем в документе [8]. Речь шла об «экономических связ[ях] между Западной Германией и Восточной Германией... [о] возможной баз[е] для будущего объединения» [8]. По всей видимости, вопрос был решен оперативно, так как на мидовской копии А.А. Громыко записал: «Обсуждено 5 июня». Скорректированный проект постановления ЦК ВКП(б) был отправлен 6 июня [14], о чем свидетельствует помета «Послано т. Поскребышеву на оформление». Постановление утверждало текст шифртелеграммы в Берлин: «Сообщите Ульбрихту, что со стороны Советской Контрольной Комиссии не имеется возражений против того, чтобы представители правительства Германской Демократической Республики выехали в Западную Германию для встречи с Блюхером» [15]. Необходимо отметить, что вопрос, на первый взгляд, столь быстро разрешенный, готовился более месяца. В немецком документе от 24 апреля 1950 г., которым располагало советское руководство, отмечалось, что «Блюхер в частном разговоре со своими однопартийцами самым подробным образом развил свои мысли в отношении политики, которую, по его мнению, следовало бы проводить в Западной Германии. Так Блюхер полагает, что Западная Германия отдельно от Восточной Германии самое позднее через два-три года не будет иметь возможностей для обеспечения себя продуктами питания. Диспропорции, которые наблюдаются в Западной Германии между ремесленным и промышленным производством едва ли предоставляют возможность для длительного экономического развития... Американцы в связи с собственным высоким уровнем заработной платы и тяжелым кризисом в Западной Германии не в состоянии оказать помощь» [23]. Ф. Блюхер выражал мнение той части западногерманских промышленников, которую не устраивали американские запреты на торговлю с

социалистическим лагерем. Однако корейская война привела к большому нажиму со стороны американцев на союзников.

В тех условиях МИД СССР настойчиво поддерживал вступление ГДР в СЭВ. 18 июля 1950 г. А.А. Громыко писал И.В. Сталину: «МИД СССР считает своевременным постановку вопроса о приеме Германской Демократической Республики в члены Совета Экономической взаимопомощи. Что же касается процедуры приема, то следовало бы порекомендовать германскому правительству направить свое обращение о приеме... всем правительствам-стран этого Совета» [9]. Возможно, надежда на результативность контактов с Ф. Блюхером заставила советское руководство приоставить рассмотрение данного вопроса, хотя И.В. Сталин еще 4 мая 1950 г. не возражал против присоединения ГДР к СЭВ. Лишь 29 сентября 1950 г., когда согласие ФРГ на участие в американских санкциях стало бесспорным, ГДР была принята в СЭВ. 4 сентября 1950 г. МИД повторил высказанную ранее позицию [3].

И все же выборы в ГДР и связанные с ними инициативы по объединению оставались наиболее важными вопросами. 9 октября 1950 г. верховные комиссары западных держав, стремясь оказать дополнительное давление на СССР в предверии выборов в Народную палату, направили письма, в которых сообщали, что не признают того, «что выборы в Германской Демократической Республике 15 октября "придают режиму Восточной Германии характер законности или дают ему право представлять германский народ, проживающий в восточной зоне". Боннское правительство верховные комиссары объявляют уполномоченным говорить от имени Германии. Одновременно верховные комиссары в своих письмах указывают, что выборы... "сделают невозможным образование в Восточной Германии парламентского правительства и демократических учреждений, необходимых для объединения Германии"... если такие выборы будут иметь место, то Советский Союз понесет ответственность за нарушение Потсдамского соглашения о единстве Германии» [10]. Руководство ГДР попросило

подготовить заявление советского правительства. Полисоветник СКК В.С. Семенов в свою очередь предлагал ограничиться сообщением «немецкого телеграфного агенства АДН о беседе его корреспондента с лицом, близко стоящим к руководству СКК, в котором будет разоблачен этот пропагандистский маневр...». МИД не возражал против публикации подобного сообщения, о чем 11 октября 1950 г. и написал А.А. Громыко И.В. Сталину, но официальный ответ на полученные письма предложил дать после выборов. 12 октября В.С. Семенов получил указания из Москвы.

Не стоит забывать, что готовилось Пражское совещание министров иностранных дел, решение о проведении которого было официально принято 16 октября 1950 г. на заседании Политбюро ЦК ВКП(б), а само оно прошло 20-21 октября. Без МИДа организация и проведение подобного мероприятия были невозможны. 16 октября А.А. Громыко распорядился отправить в Дипмиссию СССР в Берлин шифртелеграмму: «Срочно посетите [министра иностранных дел] Дертингера и сообщите ему, что советское правительство считает целесообразным созыв совещания... Таким образом, советское правительство пришло к тому же выводу о необходимости указанного совещания, о котором в свое время говорил и Дертингер». По результатам работы совещания появилась инициатива о созыве Общегерманского Учредительного совета. В отношении тезиса легитимности ГДР советская дипломатия предлагала «настаивать в Общегерманском Учредительном совете на демократизации Западной Германии как условию, необходимом для проведения действительно свободных выборов», о чем и просил МИД в письме А.А. Громыко на имя И.В. Сталина. Советское руководство согласилось с дипломатами и решило отказаться от оформления вопроса на заседании Политбюро ЦК ВКП(б). В тех условиях требовались максимальная осторожность и стремление избегать нежелательных инцидентов, поэтому за подписью А.А. Громыко в Берлин ушла другая шифртелеграмма: «Чуйкову. Семенову. Согласны с Вашим предложением сделать представление англичанам, указав на незаконность полетов канадских самолетов по

воздушным коридорам над территорией Германской Демократической Республики, что нарушает решение Контрольного совета от 30 ноября 1945 г. Применять предлагаемые Вами меры по принудительной посадке канадских самолетов на советские аэродромы не следует» [21].

Важно подчеркнуть, что решение германского вопроса для СССР предусматривало полномасштабное европейское урегулирование, затрагивающее и сокращение вооружений и вооруженных сил. Очередная попытка продвинуться в этом направлении была предпринята на Парижском совещании заместителей министров иностранных дел, на котором возглавлявший советскую делегацию А.А. Громыко столкнулся с единой позицией западных держав, их нежеланием дать согласие на встречу четырех министров иностранных дел. Несмотря на объективные сложности, доминирование делегации СССР ощущалось практически постоянно в ходе совещания, которое прошло с 5 марта по 21 июня 1951 г. Его целью было договориться о повестке дня Совета министров иностранных дел (СМИД) [12, л. 53]. Советский Союз предложил следующую повестку: «1. О выполнении четырьмя державами Потсдамского соглашения о демилитаризации Германии и недопущении ремилитаризации Германии. 2. Об ускорении заключения мирного договора с Германией и в соответствии с этим о выводе оккупационных войск из Германии. 3. Об улучшении обстановки в Европе и о немедленном приступе к сокращению вооруженных сил четырех держав – СССР, США, Великобритании и Франции». Американцы категорически возражали против третьего вопроса, который должен был, по их мнению, рассматриваться в ООН. Они утверждали, «будто [бы] тревога среди народов еще больше возрастет, если приостановить рост вооружений» [12, л. 55]. А.А. Громыко обратил внимание посла по особым поручениям Филиппа С. Джессепа на то, что «СССР предлагает обсудить вопрос о сокращении вооруженных сил всех четырех держав», поэтому его утверждения о якобы отказе советской стороны обсуждать и собственные вооруженные силы не соответствует действительности.

Британцы не хотели иметь в повестке дня пункт о демилитаризации Германии. Западные союзники настаивали на включении особого пункта, касающегося договора с Австрией. СССР согласился изменить второй пункт на новый: «О восстановлении единства Германии, об ускорении заключения мирного договора с Германией и в соответствии с этим, о выводе оккупационных войск из Германии». 14 марта было сделано новое советское предложение по третьему пункту: «Рассмотрение причин существующего международного напряжения в Европе и мер, необходимых для обеспечения действительного и длительного улучшения в отношениях между Советским Союзом, США, Соединенным Королевством и Францией, включая вопрос о сокращении вооруженных сил четырех держав» [12, л. 56]. При этом советская сторона отказалась от «немедленного приступа».

Американцы продолжали возражать против сокращения вооружений четырьмя странами, «мотивируя тем, что сокращение вооружений касается всех». 16 марта западные союзные державы вместо второго и третьего пунктов внесли на обсуждение следующую редакцию единого пункта возможной повестки дня: «Рассмотрение причин существующего международного напряжения в Европе и мер, необходимых для обеспечения действительного и длительного улучшения в отношениях между Союзом ССР, США, Соединенным Королевством и Францией, таких как: а) существующий уровень вооружений в отношении его влияния на вопрос о демилитаризации Германии; средства для контроля и сокращения вооружения; б) выполнение существующих договорами обязательств». А.А. Громыко сразу обратил внимание коллег на их отказ от рассмотрения вопросов, связанных с выполнением Потсдамских соглашений. Кроме того, внесенная формулировка, по его мнению, может обсуждаться и с точки зрения увеличения вооружений. Заместители министров иностранных дел западных стран не стали скрывать, что не могут принять советские предложения, потому что им придется приостановить вооружение ФРГ.

19 марта из Москвы главе советской делегации поступила

шифртелеграмма, в которой содержалось указание «подвести некоторый итог состоявшемуся обсуждению повестки дня СМИДа: что достигнуто на совещании и о чем еще не достигнуто соглашения. Цель этого – на конкретных примерах подчеркнуть перед мировым общественным мнением усилия СССР в отстаивании интересов укрепления мира, готовность СССР пойти навстречу другим делегациям ради этой основной цели... Вам следует указать на достигнутое соглашение по одному пункту повестки дня, по вопросу: "Проблемы, относящиеся к восстановлению германского единства и подготовке мирного договора"» [19]. Представители западных держав, подчеркивалось в шифртелеграмме, не согласились с советским вариантом, «где прямо говорилось, во-первых, об ускорении заключения мирного договора с Германией и, во-вторых, о выводе оккупационных войск из Германии после заключения мирного договора, хотя и то, и другое необходимо с точки зрения укрепления мира в Европе и отвечает законным интересам германского народа. Советская делегация вынуждена была согласиться на гораздо менее ясное предложение трех западных делегаций... При этом советская делегация рассчитывала, что в отношении других пунктов повестки дня три западные делегации проявят большее внимание к пожеланиям СССР, направленным к одной цели – укреплению мира в Европе... Надо затем разъяснить значение советского предложения включить в повестку дня как тот пункт (о причинах напряжения в Европе и т.д.), который три западные державы считают главным в повестке дня, так и тот пункт (о выполнении Потсдамского соглашения о демилитаризации Германии), который советская делегация считает важнейшим».

Во второй половине марта А.А. Громыко на очередном заседании совещания была озвучена новая формулировка: «Рассмотрение причин существующего международного напряжения в Европе и мер, необходимых для обеспечения действительного и длительного улучшения в отношениях... включая следующие вопросы: о демилитаризации Германии; о сокращении вооруженных сил США, СССР, Великобритании и Франции и в связи с этим

обсуждение существующего уровня вооружений и вопроса об установлении международного контроля за осуществлением сокращения вооруженных сил; о других мерах для устранения угрозы войны и боязни агрессии; и вопрос о выполнении существующих договорных обязательств и соглашений четырех держав» [12, л. 57-58]. После попытки заместителей министров иностранных дел США, Великобритании и Франции включить в повестку дня пункт об обсуждении мирных договоров с Болгарией, Венгрией и Румынией А.А. Громыко стал настаивать на рассмотрении «Атлантическ[ого] пакт[а] и создани[я] американских военных баз в Англии, Норвегии, Исландии и в других странах Европы и Ближнего Востока».

В то же время А.А. Громыко предложил МИДу СССР «заранее расписать четыре последовательные ступени действий советской делегации в ответ на возможные, но нам еще неизвестные контрпредложения западных делегаций» [20]. Москва ответила отказом, указав на то, что «сказалось у советской делегации некоторое нетерпенье, на что западные делегации имеют расчет».

В начале апреля западные союзники вынесли на обсуждение новые формулировки повестки дня: «I. Рассмотрение причин и следствий существующего международного напряжения в Европе и мер, необходимых для обеспечения действительного и длительного улучшения в отношениях... включая следующие вопросы, относящиеся к существующему уровню вооружений и вооруженных сил и мерам для установления международного контроля и сокращения вооружений и вооруженных сил, включая вооруженные силы СССР, Соединенного Королевства, Соединенных Штатов и Франции; и демилитаризации Германии; и выполнение существующих договорных обязательств и соглашений; и устранение угрозы войны и боязни агрессии. II. Завершение договора для восстановления независимой и демократической Австрии. III. Проблемы, относящиеся к восстановлению германского единства и подготовке мирного договора». А.А. Громыко обратил внимание на то, что в первом пункте должен быть обсужден уровень

вооружений, «а затем уже говорится о международном контроле, причем не указывается над чем должен быть установлен контроль и для какой цели он должен быть введен» [12, л. 59].

4 апреля советский представитель, обосновывая очередное компромиссное предложение по повестке дня, настаивал на обсуждении вопроса об американских военных базах и НАТО. Американцы в свою очередь не собирались отказываться от занятой ими ранее позиции: сначала в центре внимания должен находиться уровень вооружений, затем – процесс международного контроля, и только на последнем месте стоять сокращение вооружений и вооруженных сил; при это сокращение должно осуществлять не только четырем государствами, а пониматься как «сокращение вообще».

2 мая американцы, желая взять инициативу в свои руки, выдвинули три возможные варианта повестки дня. «Ни в одном из вариантов вопрос об Атлантическом пакте и американских базах... не упоминался». Советская делегация давала согласие на первый вариант американской повестки дня, если вместо «к существующему уровню вооружений и вооруженных сил и мерам, которые будут совместно предложены СССР, США, Соединенным Королевством и Францией для установления международного контроля сокращения вооружений и вооруженных сил» будет записано «к мерам для сокращения вооружений и вооруженных сил СССР, Соединенного Королевства, Соединенных Штатов и Франции, к существующему уровню вооружений и вооруженных сил и к установлению соответствующего международного контроля». Что касается Атлантического пакта и военных баз, то советская делегация не возражала против переноса данного вопроса на рассмотрение СМВД в качестве несогласованного.

После того как предложение СССР в очередной раз было отвергнуто, А.А. Громыко выступил за перенос всего комплекса вопросов, связанного с сокращением вооружений и американскими базами, а также с демилитаризацией Германии на СМВД в качестве несогласованных, требующих дополнительного обсуждения. Советская делегация

рассчитывала, что обсуждение в кругу министров иностранных дел состоится по существу поднятых вопросов.

31 мая 1951 г. представитель США, стремясь завершить работу Парижского совещания, вручил ноту, в которой содержалось предложение «созвать в Вашингтоне 23 июня совещание министров на основе одного из трех вариантов повестки дня» западных держав. Американцы вместе с Великобританией и Францией, таким образом, поставили советской делегации ультиматум. 4 июня А.А. Громыко в свою очередь передал ответную ноту советского правительства: «Советское Правительство, – записано в ней, – считает, что было бы нецелесообразным прерывать работу совещания заместителей министров иностранных дел в Париже и следовало бы дать ему возможность продолжить свою работу по согласованию повестки дня... и включению в повестку дня вопроса об Атлантическом пакте и военных базах США в качестве несогласованного пункта... откровенное обсуждение вопроса об американских военных базах и Атлантическом пакте, послужившим главной причиной ухудшения отношений между СССР и тремя державами, значительно разрядило бы атмосферу напряженности в Европе...».

20 июня А.А. Громыко вручил заместителям министров очередную ноту СССР, подготовка которой стала необходимой после того, как западные державы в одинаковых нотах отказались обсуждать вопрос военных баз. «Советское правительство удивлено, – значит в этой ноте, – что представители трех держав боятся дать согласие на обсуждение вопроса об Атлантическом пакте... Как известно, у Советского правительства имеются пакты взаимопомощи... Советское правительство не имеет никаких возражений, чтобы любой из этих пактов подвергся обсуждению на Совете министров многосторонних дел, если того пожелают державы. Поэтому советскому правительству непонятно, почему три западных державы отказываются встать на тот же путь и не желают поставить в повестку дня вопрос об Атлантическом пакте и военных базах. Ведь речь идет не о пустом

любопытстве, а о том, чтобы разрядить напряженность обстановки и облегчить дело сохранения мира. Советское правительство вновь заявляет, что оно добивается откровенного обсуждения всех причин, порождающих напряженное положение в Европе». 21 июня США, Великобритания и Франция официально заявили, что не будут продолжать переговоры в Париже.

МИД СССР не хотел допустить полного отказа от потсдамского формата – диалога союзных держав, который мог бы привести к росту доверия между партнерами, – как в решении германского вопроса, так и в послевоенном европейском урегулировании. Еще 24 февраля 1951 г. М.М. Грибанов обратился к А.А. Громыко с просьбой разрешить «подготовить основы проекта мирного договора с Германией», создать для этого комиссию и «[о]бязать Комиссию закончить подготовку проекта основ мирного договора с Германией к 1 апреля с.г.», на что и получил согласие первого заместителя министра иностранных дел.

СССР был готов согласиться на объединение Германии в случае обеспечения ее нейтрального статуса, признании послевоенных границ, учете осуществленных социалистических преобразований, а также создания системы или, по крайней мере, начала работы в направлении создания долгосрочной европейской безопасности с внеблоковым центром, сокращением вооружений и вооруженных сил основных игроков, международным контролем и связанным с ним работающим потсдамским форматом, что стало бы условием более успешного развития самого Советского Союза, создало бы предпосылки для перераспределения имеющихся у него ресурсов и позволило бы разгрузить военный бюджет. По непонятным причинам данная комплексность советской позиции, а также связанные с ее признанием очевидные трудности западных держав и их европейских союзников не учитываются в научных дискуссиях о той же знаменитой сталинской ноте 1952 г., опубликованной вместе с проектом мирного договора с Германией и врученной представителям западных

союзных держав А.А. Громыко [2]. Соединенные Штаты уже тогда воспринимались в качестве участника и определенного гаранта процесса европейской безопасности. Советские дипломаты, несмотря на централизованную систему, о которой говорил В.М. Молотов, активно участвовали в выработке сценариев европейской безопасности и, что особенно важно, действовали по многим вопросам на опережение.

Отказ западных союзников от советских мирных инициатив способствовал сплочению социалистического лагеря, потому что он показал, что Запад не настроен на серьезный диалог. Сталинский постулат о том, «что существование миролюбивого Советского Союза исключает возможность новых войн в Европе, кладет конец кровопролитиям в Европе и делает невозможным закабаление европейских стран мировыми империалистами» [18], приобретал после отказа серьезно обсуждать советские инициативы дополнительное идеологическое обоснование.

Отношения с ГДР означали для Советского Союза борьбу за собственные национальные интересы. Тот факт, что они имели и идеологический оттенок, не должен, по моему мнению, сужать их ценность и ставить под сомнение легитимность. Следует признать, что большинство сторонников критических точек зрения априори исходит из нелегитимности социализма как такового.

Морализация ценностей западной демократии была фактором того времени и должна осмысляться именно в том историческом контексте. Становилось верным и то, о чем в августе 1945 г. предупреждал французский посол в Москве генерал Ж. Катру: «Германия попытается использовать противоречия между союзниками и... поэтому союзникам надо держаться вместе, понимать свои взаимные интересы и идти на взаимные уступки» [13].

1949-1952 гг. продемонстрировали, что решение германского вопроса потребует много времени и сил, а, следовательно, не может быть осуществлено без преемственности и поддерживающих ее профессионалов. Личность А.А. Громыко и полученный им опыт на посту первого заместителя

министра иностранных дел СССР обеспечили сохранение комплексного подхода в решении германского вопроса и борьбе за создание европейской системы безопасности, послужили гарантом успешности последующих переговоров с ФРГ, заключения Московского и сопутствующих ему договоров. По всей видимости, именно тогда А.А. Громыко получил очередное подтверждение тому, что без определенной «цепкости» не получится отстоять национальные интересы, а инструментарий для «цепкости» у советской дипломатии имелся. Очевидно было и то, что преемственность стратегии ведет к успеху, отказ же от нее или необоснованные эксперименты способствуют появлению трудностей, а подчас и провалу.

Отношения с Германией для представителей военного поколения всегда были особенной темой и имели особую ответственность. Эта ответственность соединялась с убеждением, что «[о]пыт недавно закончившейся второй мировой войны показывает... какую великую жизненную силу имеет идея мирного сосуществования государств». В этом контексте следует помнить и другие слова А.А. Громыко: «Дипломат без твердых убеждений похож на торговца, которому все равно, что продавать, лишь бы продать».

Список использованных источников и литературы

1. Германия и германский вопрос в истории XX века: сборник научных статей / М-во образования Респ. Беларусь, Учреждение образования «Белорусский гос. пед. ун-т им. Максима Танка»; редкол.: Г. А. Космач и др. – Минск: БГПУ, 2010. – 167 с.

2. Громыко А.А. Памятное. Кн. 2. Глава IX: Европа – старый и вечно новый дом. М., 1984. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.libros.am/book/read/id/307112/slug/pamyatnoe-kniga-vtoraya/>. – Дата доступа: 27 февраля 2018 г.

3. Записка А.Я. Вышинского И.В. Сталину, 4 сентября 1950 г. // Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). – Ф. 07. Оп. 23а. П. 12.

Д. 157. Л. 8.

4. Записка М. Грибанова А. А. Громыко, 25 ноября 1950 г. // АВП РФ. – Ф. 082. Оп. 37. П. 211. Д. 75. Л. 6.

5. Записка А.А. Громыко В.М. Молотову, 26 октября 1949 г. // АВП РФ. – Ф. 07. Оп. 22а. П. 10. Д. 139. Л. 1-12.

6. Записка А.А. Громыко И.В. Сталину, 1 октября 1949 г. // АВП РФ. – Ф. 07. Оп. 22а. П. 10. Д. 138. Л. 1.

7. Записка А.А. Громыко И.В. Сталину, 28 октября 1949 г. // АВП РФ. – Ф. 07. Оп. 22а. П. 10. Д. 138. Л. 31-32.

8. Записка А.А. Громыко И.В. Сталину, 4 июня 1950 г. // АВП РФ. – Ф. 07. Оп. 23а. П. 12. Д. 155. Л. 4.

9. Записка А.А. Громыко И.В. Сталину, 18 июля 1950 г. // АВП РФ. – Ф. 07. Оп. 23а. П. 12. Д. 157. Л. 1.

10. Записка А.А. Громыко И.В. Сталину, 11 октября 1950 г. // АВП РФ. – Ф. 07. Оп. 23а. П. 11. Д. 144. Л. 22.

11. Запись беседы с президентом Евангелической церкви Гессена и Нассау, руководителем Отдела по внешним вопросам Евангелической церкви в Германии, пастором д-ром М. Нимёллером, 19 сентября 1951 г. // Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). – Ф. 17. Оп. 137. Д. 643. Л. 158.

12. Парижское совещание заместителей министров иностранных дел СССР, США, Англии и Франции: справка, 28 ноября 1951 г. // АВП РФ. – Ф. 7. Оп. 15а. П. 15. Д. 58. Л. 53-66.

13. Прием французского посла Ж. Катру, 24 августа 1945 г. // АВП РФ. – Ф. 06. Оп. 7. П. 2. Д. 32. Л. 47.

14. Проект Постановления ЦК ВКП (б), 6 июня 1950 г. // АВП РФ. – Ф. 07. Оп. 23а. П. 12. Д. 155. Л. 5.

15. Проект шифртелеграммы В.И. Чуйкову и В.С. Семёнову, 6 июня 1950 г. // АВП РФ. – Ф. 07. Оп. 23а. П. 12. Д. 155. Л. 6.

16. СССР и германский вопрос: 1941-1949. Документы из российских

архивов. Т. IV: 18 июня 1948 г. – 5 ноября 1949 г. – М.: «Международные отношения», 2012. – 775 с.

17. Сто сорок бесед с Молотовым: Из дневника Ф. Чуева. М., 1991. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.e-reading.by/book.php?book=64297/>. – Дата доступа: 26 февраля 2018 г.

18. Требования времени и ХДС: резолюция пятого съезда Христианско-демократического союза // АВП РФ. – Ф. 082. Оп. 37. П. 210. Д. 66. Л. 119.

19. Шифртелеграмма А.А. Громыко, 19 марта 1951 г. // АВП РФ. – Ф. 07. Оп. 24. П. 16. Д. 189. Л. 13.

20. Шифртелеграмма А.А. Громыко, № 599 // АВП РФ. – Ф. 07. Оп. 24. П. 16. Д. 189. Л. 18.

21. Шифртелеграмма В.И. Чуйкову и В.С. Семёнову, 18 октября 1950 г. // АВП РФ. – Ф. 059. Оп. 24. П. 3. Д. 17. Л. 53.

22. Aufzeichnung eines Gesprächs von Herrn von Kessel mit dem amerikanischen Botschaftsrat Charles Bohlen, Paris, 9. April 1951 // Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes (PA AA). – B 130. Bd. 3174A. Nr. 516.

23. Aufzeichnung über ein Gespräch mit Blücher, 24. April 1950 // РГАСПИ. – Ф. 17. Оп. 137. Д. 345. Л. 2.

24. Telegramm von Appelt an Kegel, Moskau, 9. November 1949 // PA AA. – MfAA A CL. Bd. 7850. Bl. 7.

Опубликовано: Историческая германистика: актуальные проблемы современных исследований: сб. научных статей и материалов / сост.: А.В. Касович, В.А. Космач, А.Ф. Великий, И.И. Ковяко. – Псков, 2018. – С. 171-183.